

Иезуиты. Переписка, касающаяся
лекции под таким названием, недавно
прочитанной в Ислингтонском
протестантском институте
преподобным Эдвардом Хоаром,
магистром медицины, настоятелем
Церкви Христа в Рамсгейте

Эдвард Хоар
Генри Уоллер

The Jesuits

Henry Waller and Edward Hoare

Электронная книга проекта " Гутенберг " иезуитов

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Иезуиты

Автор: Генри Уоллер

Эдвард Хоар

Дата выхода: 23 мая 2016 [Электронная книга № 52150]

Язык: Английский

Титры: Переписано с издания Бернса и Ламберта 1852 года Дэвидом Прайсом

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИЕЗУИТЫ" ***

Переписано с издания Бернса и Ламберта 1852 года Дэвидом Прайсом, электронное письмо ssx074@pglaf.org

ИЕЗУИТЫ:

ПЕРЕПИСКА, КАСАЮЩАЯСЯ ЛЕКЦИИ Под ТАКИМ НАЗВАНИЕМ, НЕДАВНО ПРОЧИТАННОЙ В ИСЛИНГТОНСКОМ ПРОТЕСТАНТСКОМ ИНСТИТУТЕ ПРЕПОДОБНЫМ. ЭДВАРД ХОАР, магистр медицины, *настоятель Церкви Христа, Рамсгейт.*

“Таким образом, люди совершают ошибку с изобретательным умением,
Подчиняя прямое правило своей собственной извращенной воле,
И, снабдив его чистой и сияющей лампой,
Сначала тушат ее, а затем берут в качестве руководства”.

Прогресс ошибки Каупера.

ЛОНДОН:

БЕРНС И ЛАМБЕРТ, ПОРТМАН-СТРИТ, 17,
ПОРТМАН-СКВЕР.

1852.

У. Дэви и Сын, Принтеры, 8, Гилберт-стрит, Оксфорд-стрит.

Введение.

В Лекции об иезуитах, недавно прочитанной в Ислингтонском протестантском институте преподобным Эдвардом Хоаром, магистром медицины, настоятелем Церкви Христа в Рамсгейте, и с тех пор опубликованной, встречается следующий отрывок с приложением примечания: "Было бы несправедливо присоединять к Ордену мнения отдельных людей, если только не будет доказано, что они полностью подтверждены и санкционированы установленными и авторитетными документами Общества. Ничто, однако, не может быть яснее, чем то, что выраженные тогда чувства [т.е., якобы выраженные по ранее упомянутому случаю] были чувствами не человека, а Ордена; ибо, хотя в одну из Конституций вставлено исключительное положение, как будто для облегчения нераскрытой совести, так что Статут гласит: "Подчинять свою волю тому, что желает и думает Вышестоящий во всем, где не может быть определено, что вмешивается какой-либо грех";[3] еще немного дальше есть другой раздел, в котором это положение полностью аннулируется, и смело утверждается первоначальный принцип. "Хотя Общество желает, чтобы все его Конституции и т. Д. Неукоснительно соблюдались, согласно Институту, оно, тем не менее, желает, чтобы все его члены были защищены или, по крайней мере, получили помощь от попадания в ловушку любого греха, который может возникнуть из-за силы любых таких Конституций или предписаний; следовательно, нам показалось благим в Господе, за явным исключением обета послушания Папе на данный момент и трех других основных обетов бедности, целомудрия и послушания, объявить, что никакие Конституции не могут быть приняты ". заявления или жизненные правила могут привести к обязательству совершить грех, смертный или простительный.' Пока все хорошо; что еще может потребоваться? А теперь отметьте следующий отрывок. *"Если только Вышестоящий не может приказать им во имя Господа нашего Иисуса Христа, или в силу обета послушания; а это он может делать, когда, и кому бы то ни было, если сочтет, что это способствует либо индивидуальному благу, либо всеобщему благосостоянию Общества. И на смену страху оскорбления пусть придет любовь и желание всякого совершенства, чтобы последовали еще большая слава и восхваление Христа, нашего Создателя и Господа'.* Чтобы бедный иезуит был вынужден совершить то, что, как он знает, является смертным грехом, по приказу своего Начальника. Он может ясно видеть, что это полностью противоречит всем принципам Священного Писания; его собственная совесть может с ужасом отвернуться от этого; его моральное чувство может полностью осудить это; он может ясно видеть, что он бросает вызов Всевышнему Богу; но он должен идти дальше, потому что ему приказывает его Начальник; и чтобы добиться цели, которую Начальник считает отвечающей интересам Общества, он должен свободно согласиться, чтобы его глубочайшие убеждения были полностью проигнорированы, а принципы моральной прямооты навсегда растоптаны в его душе ". [4]

Автор настоящего письма - это лицо, упомянутое в заметке как лицо, пожаловавшееся на это шокирующее заявление и заявившее, каково истинное значение Конституции, полным извращением которой оно является. То, что он сказал по этому поводу, составляет его часть

следующей корреспонденции. Хочется надеяться, что публикация всей переписки, которая велась по этому поводу, предоставит читателям мистера Хоара наиболее удобный способ самостоятельно определить, является ли выдвинутое им обвинение обоснованным или нет.

Автор может сослаться здесь на соображение, которое было упущено из виду в ходе переписки как мистером Хоаром, так и им самим. От начала до конца м—р Хоар рассматривал этот вопрос просто со ссылкой на правила учености; однако считается, что обычным принципам учености, *то есть* классической учености, вообще нет места в обсуждении, и это по следующей причине: -Христианство представило свой новый и сложный предмет, за которым, по сути, последовало то, что мы должны были заранееождать найти, а именно соответствующую модификацию языка, ставшего его органом. Уму Церкви нужно было найти выражение в среде, для которой почти все ее идеи были чуждыми; она должна была приспособить это к своей цели по-своему; новые идеи сами по себе обеспечивали новые формы языка; добавлялись слова, существующие слова приобретали новые значения и использовались в новых сочетаниях; и благодаря этому естественному процессу с течением лет между церковной латынью и классической латынью возникла почти такая же большая разница в идиомах, как и между любыми двумя современными языками, имеющими общее происхождение. Автор не изучает богословие и говорит это не исходя из своих собственных знаний; но он понимает от тех, кто квалифицирован, чтобы говорить по этому вопросу, и кому он безоговорочно доверяет, что факт таков, как он изложил.

Итак, возможно, “obligatio ad peccatum”, означающее “обязательство, связывающее под страхом греха”, может вызвать недовольство классического латиниста, но это теологический термин, и он выходит за рамки его компетенции. Вопрос не в том, *какон* выразил бы это значение на латыни, а в том, как ему следует толковать конкретную фразу, которую, по его мнению, приняли теологи. Оно используется католическими [7] и протестантскими авторами одинаково, и его следует понимать так, как они это понимают. Его использование святым Альфонсо было замечено совсем недавно: автор статьи в “Дублин Ревью” за прошлый октябрь имел случай возразить протестантскому автору, что тот перевел эти слова св. Альфонсо, “nullo jure obligante ad mortale”, таким образом — “ни по какому закону, который не является обязательным”, и, таким образом, пропустив важные слова “ad mortale”. Из ответа протестантского автора явствует, что “опечатка”, как он это называет, была исправлена во втором издании его работы; но то, что фраза означала “обязательно под страхом смертного греха”, было признано всеми; и это было сделано в самых неблагоприятных условиях.

Будет видно, что за большую часть приведенного выше примечания, следующего за латинской цитатой, мистер Хоар ответственности не несет; оно было добавлено по ошибке другим джентльменом. Это обстоятельство объясняет противоречие утверждений, которое следует соблюдать со ссылкой на Const., часть iv, глава i, но которое не требует более конкретного внимания.

Сказано, с некоторой двусмысленностью, “что версия, против которой сделано исключение, ни в коем случае не является исключительно протестантской, но была принята большинством компетентных римско-католических властей”; и работа доктора Вордсворта, кажется, упоминается в качестве подтверждения заявления. Однако обнаружится, что “исторические изыскания” этого автора позволили ему привести лишь пример Стивена Паскье, который, как говорят, изложил свою версию в речи, произнесенной им в качестве защитника дела, в котором

иезуиты были его противниками. В*Всемирной биографии* о Стивене Паскье говорится как о "человеке страстном" и "в звании противника иезуитов". [8]

Лекция мистера Хоара в целом автора не интересует: друг, протестант, любезно обративший его внимание на единственное высказывание, которое он изложил, сообщил ему в то же время, что в лекции мало что, по его мнению, заслуживало внимания; беглый просмотр ее страниц убедил автора в правильности этой точки зрения; а утверждения, которым, несомненно, мало кто может поверить, производят, как он надеется, в умах читателей эффект, прямо противоположный тому, на который рассчитывал.

ПЕРЕПИСКА.

Мэнор-роуд, 12, Аппер-Холлоуэй,
Праздник Непорочного Зачатия, 1851 год.

Мой дорогой сэ,

Я не стану оправдывать это письмо столь поверхностным знакомством, как наше, но скорее надеюсь, что моя цель при его написании, а именно устранение очень большого недопонимания, сама по себе предотвратит то, что вы сочтете это вторжением. Мой друг, протестант, присутствовал на лекции, которую вы недавно прочитали в Ислингтоне об иезуитах, и я узнал от него, что вы заявили, что, согласно Уставу Общества Иисуса, вышестоящие могут фактически приказывать членам общества совершить смертный грех. Я не понял со слов моего друга, цитировали ли вы какой-либо отрывок из Конституции в поддержку этого устрашающего заявления: Я рискну предположить, что наиболее вероятно, что вы удовлетворились тем, что сделали это от имени какого-нибудь, возможно, респектабельного имени, но, поскольку не сомневались в его правильности, не ссылаясь на Конституцию для подтверждения этого. Я полагаю, что отрывок, на котором было сделано это заявление, можно найти в Const . часть vi, глава 5, которую доктор Вордсворт и другие истолковали как означающую то, что вы говорите: доктор Вордсворт изменил текст для этой цели.

Теперь я с уверенностью утверждаю, что истинная версия этого отрывка такова: Конституции не связывают под страхом смертной казни или простительного греха, если только Вышестоящий не прикажет соблюдать их во имя Господа нашего Иисуса Христа и т.д.

Могу ли я искренне надеяться, что вы разберетесь в этом вопросе? Я обращаюсь с просьбой ради истины и милосердия. Я знаю, что некоторые из лекций, прочитанных в Ислингтонском протестантском институте, были впоследствии опубликованы; две лекции, прочитанные вами, были опубликованы; я уверен, что мне не будет больно видеть, как эта последняя будет сопровождаться заявлением, которое я, таким образом, взял на себя смелость попросить вас пересмотреть без исправления.

Я, мой дорогой сэ,
искренне ваш,
Генри Уоллер.

Преподобный Эдвард Хоар.

Рамсгейт,
11 декабря 1851 г.

Мой дорогой сэр,

Вам не нужно извиняться за то, что вы пишете мне по теме моей лекции, и я очень признателен вам за это, поскольку я искренне желаю выяснить правду *иничего другого*. Отрывок, который я процитировал, был, как вы предполагаете, 5-й главой. из 6-й части Конституций, и моим авторитетом является издание Конституций, опубликованное Ривингтоном в 1838 году, которое я сравнил после вашего письма с выдержками, приведенными в книге Тейлора "Лойола", который, очевидно, использовал другое издание, хотя и не отличающееся существенными деталями.

Я также тщательно изучил этот отрывок с вашим изложением передо мной и передал его некоторым из лучших ученых, которых я знаю; но, признаюсь, я совершенно не в состоянии перевести эти слова в оригинале, чтобы придать им тот смысл, который, по вашему мнению, они призваны передать. Несомненно, выражение "*Obligationem ad peccatum mortale vel veniale inducere*" делает грех объектом обязательства, а не просто описывает характер вины. Если слова были, *проводя peccati mortalis, и т. д.*, вместо этого в "ад экзальтированной пары, и т. д." Я думаю, что прохождение будет иметь свои трактовки, но, как она стоит, я все равно должен верить, что версия, которую я дал на это было правильно. Поэтому я не могу вычеркнуть это из своей лекции; но поскольку я искренне не желаю выдвигать ложных обвинений против оппонента, я присоединю латинскую копию, чтобы любой ученый мог принять решение по существу вопроса.

Я не могу закончить свою записку, не добавив выражения моей глубокой и искренней скорби по поводу того, что вы были вынуждены отказаться от истины, которой вас обучали, ради, как я полагаю, небиблейской системы Римской церкви. Отбрасывая все другие соображения, на мой взгляд, достаточно осудить всю систему, когда я обнаруживаю, что она принимает общество иезуитов, о морали и коварных интригах которых она уже имела, согласно Клименту XIV, столь печальный опыт.

Искренне надеюсь, что Господь наставит вас на путь истины,

Остаюсь, дорогой сэр,
Искренне ваш,
Эдвард Хоар.

Х. Уоллер, эсквайр

8, Нью-сквер, линкольнс Инн,
декабрь 1851 года.

Мой дорогой сэр,

Я должен поблагодарить вас за то, как вы получили мое сообщение, но мне жаль обнаруживать, что, вопреки моим ожиданиям, простой ссылки на первоначальный текст Конституции оказалось недостаточно, чтобы показать вам, что версия, за которую вы ратуете, основана на

неправильном понимании, в чем я все еще верю, что смогу убедить вас. Я приписываю вам — я вынужден приписать вам *желание* убедиться в удовлетворительном доказательстве того, что этот отрывок не имеет того ужасного смысла, который ему придали и который вы приписываете ему просто потому, что он кажется вам неизбежным. Таким образом, я не могу думать, что передо мной стоит трудная задача.

В нескольких местах Конституций выражения “obligatio ad peccatum”, “obligatio peccati” и “obligatio sub poenâ peccati” используются безразлично, как эквивалентные друг другу. Таким образом, заголовок главы v., параграф vi., сам по себе звучит так: “Вопрос о конституционных обязательствах без побуждения”; очевидно, что под “obligatio ad peccatum” следует понимать то же самое, что и под “obligatio ad peccatum” в самой главе. Теперь вы признаете, что “obligatio peccati” имеет то же значение, что и “obligatio sub peccati”; несомненно, тогда и “obligatio ad peccatum” имеет то же значение.

В pars ix., с. v., § 6, встречается следующий отрывок: “si non compulerit talis obedientia Summipontificis, как обязательный посыл”; даже в переводе, сопровождающем издание Конституций, на которое вы меня сослали, это переводится так: “если только такое послушание папе, которое является *обязательным под страхом наказания за грех*, не обязывает его и т.д.”. Что могло заставить переводчика придать иное значение тому же выражению в отрывке, который мы обсуждаем, я не могу постичь, разве что приписываю его предубеждению.

Я не отрицаю, что *obligare ad aliquid* часто означает *обязывать человека что-либо делать*; но я отрицаю, что это делает или, истолкованное с учетом всего контекста, *может* означать это в конкретном отрывке. Я бы попросил вас обдумать всю главу целиком, которая, я действительно должен сказать, превращена не только во что-то пугающее, но и во что-то совершенно абсурдное из-за конструкции, которую вы ей придаете. Только подумайте об ужасающем несоответствии того, что кто-то приказывает другому совершить грех во имя Господа нашего Иисуса Христа, и того человека, от которого это требуется, подчиняющегося через любовь и желание всякого совершенства. Я надеюсь, вы скажете, что это ускользнуло от вашего внимания, а не будете говорить мне, что настаивать на этом - значит напрашиваться на вопрос. Прошу вас, прочтите всю главу в соответствии с версией рассматриваемого отрывка, которую дают католики (если это можно назвать версией, которая просто декларирует его значение), и я все еще надеюсь, что вы раскроете его превосходный смысл.

Могу заметить, хотя и делаю это с некоторой застенчивостью, поскольку я почти забыл грамматику, что для того, чтобы этот отрывок имел тот смысл, который вы в него вкладываете, местоимение “ea” должно быть не во множественном числе, а в единственном, поскольку, я полагаю, вы относите его к “смертному греху вель вениале”, который является дизъюнктивным; и затем должно быть *neid*, а *hoc*.

Я нахожу, что многие протестантские писатели отвергли или, по крайней мере, не приняли плохой смысл. Так, Штейнмец в своем “Послушничестве” говорит: “Часть vi., с. 5. — Где решено, что вина за грех связана с непослушанием, когда вышестоящий командует во имя Господа нашего Иисуса Христа или в силу послушания”. — *Послушание*, стр. 98, 2-е изд. 1847. И в своей “Истории иезуитов” он, насколько мне удалось выяснить, не говорит ничего другого.

Я мог бы сказать больше в защиту Конституций иезуитов, но я думаю, что сказал достаточно, чтобы оправдать ожидание, что вы убедитесь в неправильности вашего утверждения.

Что касается того, что вы говорите в конце вашего письма, позвольте мне заметить, что я не отказывался от позитивной доктрины [в которой я был обучен], принимая католическую веру; а что касается надежды, которую вы очень любезно выражаете, что Господь может наставить меня на путь истины, я должен сказать вам, что когда Бог удивительным образом привел меня в Свою Церковь, которая является “основанием и столпом истины”, Он направил меня на этот путь, и что это “и есть путь”, [14] У меня есть внутренняя и внешняя уверенность, которой, я знаю, нельзя получить в протестантизме.

Остаюсь, мой дорогой сэр,
искренне ваш,
Генри Уоллер.

Преподобный Эдвард Хоар.

Рамсгейт,
22 декабря 1851 г.

Мой дорогой сэр,

Я очень благодарю вас за ваше подробное сообщение и боюсь, что вы сочтете меня очень предвзятым, когда я заявлю, что, каковы бы ни были намерения автора, я все же думаю, что версия, которую я привел, в наибольшей степени соответствует латыни.

Что касается вашей критики, я внимательно прочитал конституции и не могу согласиться с вами в том, что выражения “obligatio ad peccatum” — “грешить” — и “sub pœnâ peccati” - безразлично используются в любой другой части книги, если только это не цитируемый вами отрывок из 9-й части. Это представляется мне очень важным отрывком, и это единственное, что вообще поколебало мое мнение. Я, однако, крайне сомневаюсь, что переводчик передал его истинное значение, хотя в то же время я полностью признаю, что его такой перевод является сильным и веским аргументом в пользу вашей интерпретации.

Что касается двух других ваших замечаний, я, безусловно, думаю, что слова “obligatio peccati” могут иметь любой смысл; так что максимум, что можно извлечь из заголовка, это то, что, насколько это касается раздела, он может иметь безвредный смысл, но так ли это или нет, должно решаться содержанием.

Я обратил внимание на “ea” еще до того, как вы упомянули о нем, и вы, возможно, будете удивлены, услышав, что он не вызвал у меня доверия. Это не согласуется с peccatum, но с чем это согласуется, если не с “Constitutiones и т. Д.”; и если это так, значение несколько не меняется, поскольку это “vis constitutionum”, с помощью которого иезуита следует изображать “in laqueum peccati”.

С другой стороны, если таков смысл этого отрывка, мне кажется очень странным, что он помещен сразу после главы о послушании, в середине Конституций, а не в начале или в конце книги. Это, безусловно, очень необычное место для этого, если оно действительно описывает обязательную силу всего кодекса.

Поэтому, в целом, я признаюсь, что я в большой растерянности по этому вопросу и склонен думать, что, весьма возможно, это может быть понято членами Общества в том смысле, в каком вы его применяете, в то время как, с другой стороны, я полностью убежден, что большинство латиноамериканских ученых перевели бы это так, как я сделал в своей лекции. Поэтому я не могу отозвать его, потому что я не готов признать какую-либо неточность в моей версии; но я добавлю латынь и ссылку из 9-й части, чтобы читатель мог объективно представить суть дела.

Еще раз благодарю вас за ваше сообщение и глубоко сожалею о нашем расхождении во мнениях по важным вопросам, затрагивающим христианскую истину,

Остаюсь, дорогой сэр,
Искренне ваш,
Эдвард Хоар.

Х. Уоллер, эсквайр

Линкольнс Инн, 8, Нью-сквер,
2 января 1852 года.

Мой дорогой сэр,

Праздники этого священного сезона до сих пор не оставляли мне времени ответить на ваше письмо должным образом, и я глубоко сожалею, что оно не потребовало иного ответа, чем этот. Когда я писал вам в последний раз, я представил на ваше рассмотрение не все, что приходило мне в голову в связи с истинным смыслом Конституции, но столько, сколько, как мне казалось, можно было бы изложить, не вызывая опасений относительно милосердия и справедливости ума человека, которому это должно быть адресовано, — опасений, которые я не желаю испытывать по отношению к вам или кому-либо еще. Но, признаюсь, у меня сильно поубавилось уверенности в результате того, что я скажу, и теперь я продолжаю добавлять к тому, что я уже сказал.

Когда вы говорите, что, каковы бы ни были намерения автора, вы считаете, что приведенная вами версия отрывка в наибольшей степени соответствует латыни, и что, хотя члены Общества, возможно, понимают его по-разному, вы убеждены, что большинство ученых-латинистов перевели бы его так же, как вы, вы, конечно, забываете, что вопрос, который нас интересует, касается не науки, не простых слов, а просто вопроса факта— что такое Конституция? Вопрос именно в том, что имел в виду основатель, что понимают участники? Что он имел в виду, и что они понимают, что Конституция - это и ничего больше.

Однако, поскольку речь идет всего лишь о латыни, у меня не было бы причин опасаться результата обращения к ученым, поскольку те, кому я его представил, двое оксфордцев и кембриджец, и все протестанты согласны в том, что я истолковываю этот отрывок так же, как я; с другой стороны, я полагаю, что могус уверенностью утверждать, что вы не можете привести никаких католических авторитетов в подтверждение правильности вашей версии — даже Паскаля.

Но если предположить, что слова способны воспринимать смысл, который вы им приписываете, то, конечно, вы не вправе делать свое утверждение, если, как вы, по-видимому, допускаете,

допустимо и другое, не подлежащее исключению значение. Двусмысленность, в той или иной степени, является свойством любого языка, даже языка вдохновения; этот факт не оставляет нам свободы выбирать, какое из нескольких возможных значений мы пожелаем, но обязывает нас прибегнуть к признанным принципам построения, чтобы установить определенный смысл автора.

Мне кажется, что в вашем переводе игнорируются все справедливые принципы толкования, с которыми я знаком.

Итак, здесь я процитирую отрывок из работы величайшего авторитета “Родригес о христианском совершенстве”: Родригес сам был иезуитом и так отзывается о рассматриваемой Конституции: сначала идет заголовок: “Хотя наши правила не обязывают под страхом наказания за грех, тем не менее мы должны в точности соблюдать их”; и затем он продолжает: “Наши Правила и Конституции, - он говорит об Обществе Иисуса, - не обязывают нас под страхом смертного греха, ни даже простительного, не более, чем приказы наших Начальников, если только это не будет, как указано выше”. наши Конституции провозглашают это, когда они повелевают со стороны Бога или в силу святого послушания. И все же мы должны быть осторожны, чтобы по этой причине не начать пренебрегать ими и т. Д. Наш святой основатель, с одной стороны, не стал бы связывать нас так крепко, чтобы дать нам повод ко греху, а с другой, желая побудить нас к точному соблюдению их со всем возможным совершенством, он дает нам этот полезный совет. *Пусть любовь к Богу, говорит он, заменит страх оскорбить его, и пусть это будет желание вашего большего совершенства, и большей славы Божьей, которое побуждает нас выполнять ваш долг здесь.* Он также говорит в начале наших Правил и Конституций, что внутренний закон милосердия, который Святой Дух начертал в наших сердцах, должен побуждать нас к точному соблюдению их”. (Третья часть, трактат. 6, глава iii, стр. 350, изд. Лондон, 1699.)

Как нам вообще понять смысл документа, если мы не должны руководствоваться пониманием тех, чья позиция позволяет им говорить с наибольшим знанием его предмета, [намерения и конечной цели]? Спросите о значении этой главы в любой части Церкви, в какой пожелаете, и будет дан только один ответ.

Я никак не могу согласиться с вами, что в таком значении эта глава неуместна; напротив, я не знаю, где можно было бы найти для нее более подходящее место.

Поскольку вы сомневаетесь относительно значения “obligare ad peccatum” в том месте, на которое я вас сослал, я едва ли могу надеяться, что вы отнесетесь более благосклонно к выражению в двух других местах, где оно встречается, а именно —Pars. ix, cap. iv, § 5, и глава v, § 6. Но я должен представить вам следующую фразу из “Лекций” протестантского епископа Сандерсона: “omnis enim obligatio aut ad culpam est aut ad poenam, vel etiam utramque”. (Præl. vi, стр. 154, изд. Лондон, 1686.) Я никогда не придам этому плохого значения.

Я предположил, что вы отнесли местоимение “ea” к “смертному греху вель вениале”, потому что я обнаружил, что доктор Вордсворт сделал это, переведя отрывок так же, как вы; он с большим умом переделал ea в id.

Я сожалею о том, что мое письмо затянулось; я действительно надеялся, что наша переписка к этому времени будет доведена до более благоприятного исхода.

Что касается выражения в конце вашего письма, я должен протестовать против вашего предположения, что католическая вера просто соответствует нашим суждениям, подобно протестантизму, и не имеет более надежной основы, чем мнение.

Остаюсь, мой дорогой сэр,
искренне ваш,
Генри Уоллер.

Преподобный Эдвард Хоар.

Рамсгейт,
5 января 1852 года.

Мой дорогой сэр,

Мне жаль, что вы не считаете меня искренним при рассмотрении Конституции, поскольку я искренне желал установить истину, и, возможно, вы позволите мне предположить, что там, где есть расхождение во мнениях, едва ли справедливо приписывать это недостатку беспристрастности при обсуждении.

Дело в том, что я тщательно изучал этот предмет, и вы, возможно, будете удивлены, когда я скажу вам, что мое мнение менее поколеблено, чем когда я писал в последний раз, так что, когда мне пришлось пересматривать доказательство, я стер часть заметки, которую написал ранее, и теперь просто изложил ваше мнение и добавил латиницу.

Что касается вашего последнего письма, я думаю, что вы вряд ли могли сослаться на два отрывка, которые вы упоминаете как содержащие выражение “обязательное к исполнению”; ибо в одном (ix, iv, 5) слова — “sub роепâ рессати”, а другой (ix, v, 6) — это тот самый отрывок, который уже обсуждается.

У меня нет издания епископа Сандерсона, на которое вы ссылаетесь, но если вы сочтете нужным сообщить мне, в каком прелогe встречаются эти слова, я постараюсь изучить их, хотя и не уверен, что смогу, поскольку у меня не все из них в пределах досягаемости.

Я не могу представить, что я должен был сказать, что привело к идее: “католическая вера соразмерна нашим суждениям и не имеет более надежного основания, чем мнение”; основой Евангелия является богооткровенное слово Божье, и оно остается неизменным, каким бы ни было мнение человека.

Остаюсь, дорогой сэр,
Искренне ваш,
Эдвард Хоар.

Х. Уоллер, эсквайр

8, Нью-сквер, Линкольнс-Инн,
8 января 1852 года.

Мой дорогой сэр,

Я очень сожалею о своей беспечности, когда дал вам такие ошибочные рекомендации. Вместо того чтобы сослаться на *Конституции*, часть ix, с. iv, § 8, и с. v, § 6, я должен был сослаться на *Декларации*, соответствующие этим отрывкам. В первом отрывке, где в Конституциях есть, как вы говорите, “obligando sub pœnâ peccati”, соответствующая декларация гласит: “nec Societas approbabit, si Pontifex præcepto quod ad peccatum obliget, non compelleret”. Что касается части ix, с. v, § 6, на которую я ссылался в предыдущем письме, я нахожу, что декларация имеет то же выражение, что и Конституция. В Конституциях есть еще одно место, в котором встречается “ad peccatum obligare”, а именно, параграф vi, глава. iii, § 8, и здесь оно снова правильно передано в переводе, опубликованном Ривингтоном; таким образом, автор этого перевода дважды придал фразе ее истинное значение. В заявлении о генеральном экзамене также встречается выражение — “обязательность верных решений при проверке, ad peccatum esse debet” (глава iii, § 1.), и смысл его ясен. Я процитировал пражское издание 1757 года. Мне известно, что издание, опубликованное Ривингтоном, не содержит заявлений.

Моя ссылка на предложение Сандерсона могла бы быть более полной. Это можно найти в *Prælectiones de Conscientiae Obligatione*, глава vi, § 6, стр. 156 изд. Lond. 1696; предложение заключено в круглые скобки и не зависит от контекста:—“Немо потестировать юридически обязывающим образом и на самом деле, я не могу допустить, чтобы кто-то вменял себе вину, и не могу допустить, чтобы кто-то вменял себе вину нам”; (omnis enim obligatio aut ad culpam est aut ad pnam, vel etiam utramque), если это невозможно, omissio non potest alicui imputari ad culpam”. Я нашел то же самое выражение в другой работе Сандерсона “Обязательственное право”. Я должен просить вас извинить за длину следующего отрывка: “Закон об обязательствах заключается в различении по происхождению, в соответствии с законом об обязательствах: есть и другие объекты, которые могут возникнуть в соответствии с законом. ad debitum solvendum, quo tendit et in quod fertur obligatio. Duplex autem est debitum. Debitum officii, quod quis ex præcepto juris tenetur facere: et Debitum supplicii, quod quis ex sanctione juris tenetur pati, si officium suum neglexerit. Priori sensu dicimus mutua caritatis officia esse debita, quia lex Dei illa præcipit, juxta illud, Rom. xiii. *Nihil cuiquam debete, nisi ut diligatis invicem*. Posteriori sensu dicimus peccata esse debita ut in oratione Dominica, *Dimitte nobis*, &c. et mortem æternam esse debitam, juxta illud, Rom. vi. *Stipendium peccati mors*. Observandum tamen debitum posterius contrahi ex insoluto priori: ita ut si quis Debitum officii plenarie dissolveret, faciendo id quod lex imperat, non teneretur aliquo debito supplicii ad patiendum id quod lex minatur. Respondet duplici huic debito duplex item obligatio scil. ad officium faciendum; et obligatio ad supplicium preferendum: *vel quod communiter dicitur et eodem recidit, obligatio ad culpam, et obligatio ad pnam*.”—(De Juramenti Obligatione, præl. 1, § 12, ed. Лонд. 1696.)

То, что я сказал в конце моего последнего письма, относилось к вашему выражению относительно веры — “нашему расхождению во мнениях”, — которое показалось мне нежелательным, поскольку оно носит так называемый широтный характер; возможно, я излишне обратил на это внимание.

Остаюсь, мой дорогой сэр,
искренне ваш,
Генри Уоллер,

Преподобный Эдв. Хоар.

Рамсгейт,
9 января 1852 года.

Мой дорогой сэр,

Я очень признателен вам за ваше письмо, и я с большим удовольствием приведу столько названных отрывков, сколько смогу найти в своей библиотеке или позаимствовать у своих друзей, но это не может быть сделано с целью изменения моей лекции, поскольку она уже опубликована. Латинский текст Конституции приведен в примечании, так что, если я ошибаюсь, я открыт для исправления всеми знатоками латыни.

Остаюсь, дорогой сэр,
Искренне ваш,
Эдвард Хоар.

Х. Уоллер, эсквайр

Мэнор-роуд, Аппер-Холлоуэй,
13 января 1852 года.

Мой дорогой сэр,

Я раздобыл вашу лекцию и прочитал заявление, которое привело к нашей переписке, вместе с запиской, которую вы приложили к ней.

Я не могу не удивиться характеру этой записки. С вашей стороны было такое признание сомнений по этому вопросу, что я думаю, что был прав, ожидая какой-либо ссылки на него и на его основания, а затем либо признания сохраняющихся сомнений, либо, если это так, изложения соображений, которые их устранили. При всех обстоятельствах я считаю, что, если я сочту нужным это сделать, у меня будет право предать огласке имевшую место переписку. Очень глубоко сожалея о своей самой болезненной проблеме,

Остаюсь, дорогой сэр,
искренне ваш,
Генри Уоллер.

Преподобный Эдвард Хоар.

Хэмпстед,
16 января 1852 года.

Мой дорогой сэр,

Что касается вашего письма от 13-го, пересланного мне из Рамсгейта, я считаю своим долгом сообщить вам, что я не имел никакого отношения ни к какой части рассматриваемой заметки, за исключением отрывка, доходящего до конца латинской цитаты, которая является именно

тем, о чем я сообщил вам в своем последнем письме, которое я намеревался вставить. Остальное было добавлено из—за очень большой ошибки со стороны ..., но этого не было в копии, которую я передал в прессу, и я был так же удивлен, как и вы, когда увидел это в опубликованной лекции.

Если вы опубликуете мою переписку, вы, конечно, позаботитесь о том, чтобы ознакомить своих читателей с ее частным характером и проинформировать их о том, что письма, написанные без малейшей мысли о публикации, не содержат никакой попытки всестороннего обсуждения предмета, а являются просто выражением моих различных мыслей в процессе тщательного расследования.

Остаюсь, дорогой сэр,
Искренне ваш,
Эдвард Хоар.

Х. Уоллер, эсквайр

СНОСКИ.

[3]Const., часть vi, глава i.

[4] “После прочтения лекции джентльмен-католик пожаловался на тогдашнее использование этой Конституции и заявил, что это означает, “что Конституции не связывают под страхом смертной казни или простительного греха, если только” и т.п. Я не могу взять на себя обязательство решить, каковы могли быть *намерения* автора, но я могу бесстрашно апеллировать к мнению любого ученого-латиниста относительно грамматической точности приведенного выше перевода. The original is as follows:—‘Cum exoptet Societas universas suas Constitutiones, declarationes, ac vivendi ordinem, omnino juxta nostrum Institutum, nihil ulla in re declinando, observari; optet etiam nihilominus suos omnes securos esse, vel certè adjuvari, ne in laqueum ullius peccati, quod ex vi Constitutionum hujusmodi, aut ordinationum proveniat, incidant: Visum est nobis in Domino præter expressum votum, quo Societas Summo Pontifici, pro tempore esistenti, tenetur, ac tria alia essentialia paupertatis, castitatis, et obedientiæ, nullas Constitutiones, Declarationes, vel ordinem ullum vivendi, posse obligationem ad peccatum mortale vel veniale inducere; nisi Superior ea in nomine Domini Nostri Jesu Christi, vel in virtute obedientiæ juberet: quod in rebus, vel personis illis, in quibus judicabitur, quod ad particulare uniuscujusque, vel ad universale bonum multum conveniet, fieri poterit: [et loco timoris offensæ, succedat amor et desiderium omnis perfectionis; et ut major gloria et laus Christi Creatoris ac Domini Nostri consequatur].’ С единственным дополнительным замечанием, что версия, против которой сделано исключение, ни в коем случае не является исключительно протестантской, но была принята большинством компетентных римско-католических авторитетов, я бы искренне рекомендовал моим читателям, независимо от причастия, ознакомиться с третьим письмом преподобного каноника Вордсворта ‘Продолжение писем к М. Гордону’, где полностью обсуждается и устраняется эта самая Конституция и то же самое возражение. Предположим, однако, что критика, логика и историческое исследование этого высокоученого богослова не удовлетворят читателя—католика, пусть он заменит приведенный выше *предполагаемый* сомнительный отрывок следующим, относительно которого не может быть никаких споров: ”Они должны позволять своим Начальникам перемещать и направлять себя под Божественным Провидением, точно так же, как если бы они были трупом, который позволяет перемещать себя и обращаться с ним

любым способом, или как посох старика, который служит ему, когда и для чего бы тот, кто держит его в руке, ни пожелал им воспользоваться". .-*Конст.*, часть vi, глава i".

[7] Смотрите итог, 2. 2. вопрос. clxxxvi, статья ix, где святой Фома, рассматривая именно этот вопрос об обязательной силе религиозных правил, использует фразу девять раз.

[8] В *Dublin Review* за июль 1848 года есть рецензия на "Продолжение" доктора Вордсворта.

[14] "Ты услышишь голос позади себя, говорящий: "Это путь, иди по нему".